

УДК 94(47).084.9:351.74

DOI: 10.37482/2687-1505-V153

*ПОПОВА Анна Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Автор 80 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий, одного учебного пособия**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9524-3886>

«В НАШЕМ ДЕЛЕ И “МЕЛОЧИ” ВАЖНЫ» (о практике работы советского уголовного розыска в 1940–1950-е годы)

В статье рассматривается развитие методов работы советской милиции по расследованию преступлений в послевоенные годы (с 1945 до конца 1950-х годов). Показано, что высокий уровень преступности, большое число грабежей и деятельность многочисленных банд являлись серьезной проблемой послевоенной жизни и требовали разноплановых мер, прежде всего – совершенствования методов уголовного сыска. Автором отмечена тенденция преступности в этот период – вовлечение в криминальную деятельность лиц, которые ранее ею не занимались и не имели связи с преступным миром. В совокупности с наличием большого числа сотрудников, которые только поступили на работу в милицию и не имели опыта розыскной работы, это затрудняло выявление лиц, виновных в совершении преступлений, и привлечение их к ответственности, а также ставило задачу выработки новых приемов работы по изобличению преступников. Исследование построено на использовании широкого круга источников: ведомственной периодической печати, оперативных обзоров по расследованию особо тяжких преступлений, составленных руководством советской милиции, мемуаров работников органов внутренних дел. Их анализ позволил прийти к заключению, что для расследования преступлений советской милицией использовался целый ряд методов: проверка сообщений граждан, в т. ч. анонимных, вхождение в доверие к подозреваемым лицам, использование результатов агентурной работы. В статье делается вывод об усовершенствовании работниками уголовного розыска методов агентурной работы в послевоенные годы: расширился круг лиц, которые потенциально представляли интерес для вербовки, создавались квартиры-ловушки для выявления преступного элемента. Развитие методов уголовного сыска стало одним из факторов, определившим снижение уровня преступности в СССР в конце 1950-х годов.

Ключевые слова: история советской милиции, работа уголовного розыска, преступность в послевоенном СССР, агентура, общество, анонимные письма, обращения граждан.

* Адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46; e-mail: a.d.popova@mail.ru

Для цитирования: Попова А.Д. «В нашем деле и “мелочи” важны» (о практике работы советского уголовного розыска в 1940–1950-е годы) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 1. С. 36–47. DOI: 10.37482/2687-1505-V153

Серьезной задачей, которая легла на плечи государства и общества в годы после окончания Великой Отечественной войны, стала борьба с преступностью. Целый ряд факторов (бедность населения, наличие у него оружия, детская беспризорность) обусловил сложную криминогенную обстановку. За первый послевоенный год (1946) в СССР было зарегистрировано 1 014 274 преступлений, что на 20 % больше, чем в 1945 году. В 1947 году этот показатель был еще выше – 1 234 377; прирост в сравнении с 1945 годом составил чуть более 46 % [1, с. 139]. Наиболее серьезную проблему представляли организованные банды, которые действовали дерзко и нагло: грабили квартиры, магазины, склады, при этом жильцы или сторожа безжалостно убивались. Только за 1947 год было уничтожено 3462 банды, ликвидировано или арестовано 32 095 чел. преступного элемента [2, л. 230]. Не случайно по всей стране с ужасом пересказывали слухи о страшной банде «Черная кошка» [3].

Чтобы справиться с этим валом преступности, сотрудникам советской милиции послевоенной поры пришлось много работать, иногда буквально забывая про отдых и сон, проявлять мужество, вступая в схватку с бандитами и рискуя при этом жизнью. Работу осложняли многие факторы: огромный объем работы, нехватка сотрудников, особенно имеющих опыт. Вопрос о борьбе с уголовной преступностью в послевоенное время неоднократно привлекал внимание исследователей, и в настоящее время накоплен довольно большой объем научных публикаций об уровне преступности в этот период и причинах ее роста [4]. Однако не все аспекты борьбы с уголовной преступностью в послевоенный период оказались освещены. Одним из малоизвестных, но весьма важных вопросов является механизм работы сотрудников милиции по расследованию преступлений и выявлению лиц, виновных в их совершении.

Вопрос о методах работы советских органов по расследованию преступлений является одним из наиболее табуированных в исторической науке. И перечень исследований на эту тему

весьма скромный. В качестве исключительно-го примера можно указать статью профессора Санкт-Петербургского государственного университета М.В. Ходякова, который изучал вопрос о работе с агентами в лагере для военнопленных [5]. Тема работы сотрудников уголовного розыска с агентурой практически не исследована. Причина этого очевидна: по сей день еще солидный пласт документов, освещающих деятельность советской милиции в послевоенные годы, засекречен. Однако со многих папок уже снят гриф «совершенно секретно», и они дают возможность пролить свет на некоторые аспекты работы советских правоохранительных органов.

Автором статьи использовались архивные документы фонда Главного управления милиции МВД СССР (Государственный архив Российской Федерации, фонд Р-9415), публикации ведомственной периодической печати, а также мемуары самих сотрудников органов внутренних дел. Некоторые из этих воспоминаний изложены в популярных просветительских изданиях о работе милиции Костромы и Харькова. Особо следует выделить мемуары сотрудника Одесского уголовного розыска Давида Михайловича Курлянда, которые были предоставлены автору сотрудниками Народного музея истории органов внутренних дел Одесской области. Эти мемуары нигде не публиковались, чисто внешне представляют толстую папку с машинописными страницами, которые содержат описание большого ряда разнообразных эпизодов работы одесского уголовного розыска в послевоенные годы. Нельзя не отметить скрупулезность ветерана уголовного розыска, его внимание к мельчайшим деталям, что делают эти материалы бесценным историческим источником.

Анализируя методы выявления и пресечения преступной деятельности, которые использовали сотрудники милиции в послевоенное время, приходится констатировать, что их наработка велась в трудных условиях, буквально в процессе работы. Потери, которые понесла милиция в годы войны, проявлялись особенно рельефно. После победы в Великой Отечественной войне штат активно пополнялся

демобилизованными, часто бывшие разведчики становились сотрудниками уголовного розыска. Конечно, фронтовой опыт, привычка обращать внимание на самые небольшие детали помогали в работе, но полностью заменить специальное образование не могли. Не случайно в романе братьев Вайнеров «Эра милосердия» (1976) опытный разведчик, но неопытный оперативник Володя Шарапов в первые дни работы в уголовном розыске дважды попадает впросак. Вначале он предлагает просто задержать подозреваемого и устроить ему допрос, чем вызывает смех у своих товарищей. Затем его с легкостью проводит матерый уголовник Фокс. Шарапову повезло в том плане, что в отделе, в который он попал, были сотрудники, уже имеющие опыт работы в уголовном розыске, и они могли научить новичка необходимым приемам.

Иногда в жизни ситуация складывалась так, что и учить особо было некому. Тогда могли пострадать и законопослушные граждане. Порой неопытность и неподготовленность сотрудников милиции приводили к преувеличению роли силовых методов и даже к превышению должностных полномочий, нарушению законности. В 1953 году имело место проведение облав в г. Ленинграде. Однажды в результате облавы были задержаны 1000 чел., из них 800 были отпущены на следующий день. Начальник Управления милиции Ленинградской области Соколов признал: «Это произвол, который ничем не оправдан» [6, л. 38].

Основой работы в уголовном розыске является внимание к любой информации и умение ее получать. Не случайно одно из первых, чему пытается научить Жеглов Шарапова в уже упоминаемом романе, – это работа с людьми, т. е. с потенциальными свидетелями. Ведомственная печать органов внутренних дел тоже пыталась объяснить сотрудникам милиции значение внимательного отношения к каждой мелочи, приводя поучительные примеры. Так, газета «Служим народу», которая издавалась руководством органов внутренних дел Костромской области, опубликовала историю сотрудника милиции Д. Чумикова из Костромы, которому

именно внимание к мелочам помогло раскрыть серьезное преступление. В городе одновременно произошло два криминальных происшествия: серьезное – ограбление склада и убийство женщины, которую приняли за сторожа, и мелкое – кража двух гусей. Возвращаясь домой в общественном транспорте, Чумиков услышал разговор двух женщин, в котором одна поведала своей знакомой о странном поведении соседа: судя по звукам с его участка, у него появились гуси, но он их не выпускает на улицу и, видимо, прячет. Милиционер поговорил с женщинами и узнал адрес подозрительного владельца гусей. У него был проведен обыск, и кроме похищенных птиц были обнаружены вещи убитой женщины [7]. В воспоминаниях ветерана уголовного розыска Харькова А.Е. Лукашука, приведенных в книге С.Г. Курило о работе харьковской милиции, содержится пример, в котором тоже показано, как внимание к случайной информации помогло раскрыть преступление. В 1950 году к нему обратился дружинник, также случайно подслушавший разговор трех незнакомцев, которые договаривались об ограблении кассы института. Они были вооружены пистолетом и склоняли к этому делу водителя автомашины (именно это и услышал дружинник). Была устроена засада, и злоумышленников взяли с поличным [8, с. 154].

Воспоминания сотрудников милиции свидетельствуют о том, что работники уголовного розыска не ограничивались пассивным ожиданием счастливого случая, когда им повезет подслушать нужную информацию. Они старались активизировать граждан, чтобы те сами обращались в милицию. О том, как информация, получаемая от граждан, помогала в раскрытии преступлений, неоднократно в своих мемуарах вспоминает сотрудник одесского уголовного розыска Д.М. Курлянд [9]. Сам Давид Михайлович подчеркивает, что он регулярно выступал перед гражданами и призывал их делиться сведениями о совершенных или готовящихся преступлениях. И это имело успех, и не только у него одного. А.Е. Лукашук вспоминает: однажды ему передали, что какая-то девушка ищет встречи с ним. На личной встрече гражданка

сообщила, что познакомилась с женщиной, которая подбивала ее стать участницей разбойного нападения [8, с. 155].

У Д.М. Курлянда есть целый ряд примеров на эту тему. Он упоминает эпизод, как в 1953 году ему позвонила женщина и, представившись Герасимовой, поведала, что ее дальний родственник Климанов, ранее трижды судимый, недавно освобожден по амнистии и вместе со своими приятелями готовит ограбление пункта химчистки. Дать официальные показания, даже прийти на очную беседу в уголовный розыск женщина категорически отказалась. Пришлось устанавливать, кто такой Климанов, где он живет, чем занимается и с кем общается. Выяснилось, что круг общения этого гражданина под стать ему, как и способы проведения времени. Все друзья Климанова были опытными ворами, нигде не работали. На четвертый день сбора информации о Климанове и его знакомых поступила информация о краже из приемного пункта химчистки. Работники милиции не смогли предотвратить кражу, но имели направление поиска, в т. ч. и вероятное место сбыта добычи – квартира некоей Семеновой – приятельницы Климанова, проживающей недалеко от «Привоза». За квартирой было установлено наблюдение, и вскоре воры принесли вещи, украденные из химчистки, после чего были арестованы [9, л. 156].

В другой раз уголовному розыску Южной Пальмиры пришлось расследовать ограбление квартиры, в ходе которого среди прочих вещей была похищена новая каракулевая черная шуба. На вторые сутки после грабежа Курлянду по телефону неизвестный сообщил: он случайно услышал разговор трех мужчин о том, что они собираются продать каракулевую шубу в скупочном пункте на улице Ленина. Людей этих неизвестный не знал, сам представиться и явиться в отдел для дачи показаний отказался. Пришлось готовить засаду, точнее засады, т. к. на улице Ленина было сразу три скупочных пункта. Однако усилия оказались не напрасными: в один из пунктов пришли злоумышленники с шубой, они были задержаны, а шуба опознана потерпевшими [9, л. 76].

Еще в одном эпизоде, описываемом в мемуарах Д.М. Курлянда, активность граждан сыграла роль при расследовании ограбления реставрационного цеха кожаных и меховых изделий. Были похищены пара десятков кожаных пальто, шуб, костюмов. Через месяц после кражи на стол Курлянда легло анонимное письмо, в котором утверждалось, что данное преступление совершено двумя рецидивистами, были указаны их фамилии. Также неизвестный сообщил, что краденые вещи преступники сдали в камеру хранения на вокзале Одесса-Главная. Естественно, сотрудниками милиции была организована засада, подозреваемые были задержаны с чемоданом, который они получили на вокзале. В нем оказались два кожаных пальто, которые были опознаны работниками цеха. Однако задержанные отрицали свою вину, утверждая, что вещи купили у неизвестного им человека. Складывалась тупиковая ситуация – опровергнуть слова подозреваемых было нечем. И снова помог неизвестный: он позвонил Курлянду и спросил, получили ли его письмо. После утвердительного ответа он дал новую информацию – посоветовал проверить чердак над квартирой, в которой жил один из подозреваемых. При обыске чердака были найдены остальные вещи. Задержанный испугался, что к ответственности могут привлечь его родных, и признался в преступлении [9, л. 176].

Курлянд не сообщает о мотивах этого общественного помощника, возможно, Давид Михайлович их и не знал. Сам он очень неоднозначно относился к «анонимкам» как источнику оперативной информации: «Я всегда был против анонимных писем и особенно анонимных звонков по телефону, тем не менее, каждое полученное мною анонимное письмо я подвергал тщательной проверке, в результате чего либо я доказывал невиновность того лица, о котором шла речь, либо правильность приведенных в нем фактов...» [9, л. 179]. Исследователь истории милиции В.А. Иванов отмечает, что в целом у работников правоохранительных органов было такое же отношение к «анонимкам». С одной стороны, они относились к подобным

сообщениям с брезгливостью: «Ни одна оперативная структура в системе НКВД не желала самостоятельно заниматься “анонимными делами”, считая их не только не перспективными, но и унижительными, ущербными» [10, с. 29]. С другой стороны, их никогда не игнорировали, нарабатывали приемы выявления авторов и проверки данных, даже пытались создать банк почерков. Такую работу проделывали в Ленинграде, где к 1956 году составлялись поуличные альбомы почерков (обычно образцы почерка граждан собирали с помощью домоуправлений, где просили заполнить какие-нибудь заявления), а также собирались образцы всех пишущих машинок в городе [10, с. 37].

Трудно судить о мотивах людей, которые анонимно обращались в органы и предоставляли милиции нужную информацию. Возможно, имел место целый клубок мотивов. Так, нельзя исключать желание досадить своему знакомому или приятелю, свести счеты чужими руками. Кроме того, может идти речь о переплетении разных установок в ментальности общества: с одной стороны, нельзя оставаться равнодушным к чужой беде, с другой – в обществе не всегда одобрительно относились к подобным заявлениям, воспринимая это как стукачество.

В некоторых случаях поимка преступников требовала не только внимания к мелочам или к информации, которая поступала от граждан и требовала проверки, но и находчивости, иногда даже – организации костюмированных представлений. В 1949 году в Островском районе Костромской области пришлось ловить банду, которая специализировалась на ограблении магазинов, убивая при этом сторожей. Совершив преступление, члены банды исчезали без следа. Их приметы установить удалось, но поиск по ним ничего не давал. Сотрудник уголовного розыска Григорий Николаевич Басаргин предположил, что банда, пользуясь тем, что идет страда и по дорогам постоянно ездят грузовые машины, перевозящие урожай и рабочую силу, уезжает на них в другой район. Опросили водителей, и один из них подтвердил, что подвозил незнакомых

мужчин в сторону Кинешмы. Так был установлен возможный путь отхода бандитов, и на нем стали готовить ловушку: Басаргин взял автомашину, посадил в нее женщин и попросил их петь песни, чтобы была иллюзия, как будто женщины едут с работы. Через некоторое время на дороге их затормозил мужчина с мешком, внешность которого подходила под приметы. Он был задержан, дальше пришлось действовать хитро: бандиту было сказано, что все остальные члены банды задержаны, есть раненые и если он назовет адреса соучастников преступлений, то их родственники успеют передать лекарства. Так сотрудники милиции получили список всех членов банды с адресами [11, с. 111].

Еще одному костромскому милиционеру – Николаю Михайловичу Измestьеву пришлось использовать элементы маскарада при расследовании убийства девочки. Измestьев предположил, что, скорее всего, преступление совершили рабочие лесоучастка, среди которых было много судимых. Он устроился в бригаду, ходил с ней на работу валить лес, и ему удалось установить подозреваемого. Поняв, что тот очень любит рыбалку, Измestьев предложил ему порыбачить вместе. С собой милиционер захватил бутылку водки и за ухой завел разговор о недавнем преступлении. Подозреваемый опьянел и рассказал все с подробностями и только после этого узнал, что разговаривал с сотрудником уголовного розыска [11, с. 130].

Однако одного мужества, находчивости и внимания к обращениям граждан было мало, нужно было реализовывать методы активного раскрытия преступлений и розыска подозреваемых, в т. ч. работать с агентурой, что во все времена было одним из основных методов уголовного сыска. Естественно, и в послевоенные годы работа с агентурой велась: в мемуарах сотрудников уголовного розыска, в т. ч. А.Е. Лукашука и Д.М. Курлянда, можно встретить обтекаемые фразы «нам стало известно». Однако после войны возникла необходимость развития этого обязательного вида работы уголовного розыска. Многие сотрудники, погибнув

на фронте, с собой унесли и их агентурные связи. На фронт ушли и не вернулись не только милиционеры, но и их общественные помощники [11, с. 101].

Руководство советской милиции не могло не осознавать важность агентурной работы, поэтому в послевоенные годы оно было вынуждено не только объяснять своим сотрудникам ее значение, но и обучать методам ее осуществления. В этом плане важную роль играли оперативные обзоры, где указывались общие принципы организации агентурной работы и приводились примеры их удачного использования. Одним из способов изобличения подозреваемых, который активно пропагандировался руководством милиции среди своих сотрудников, была внутрикамерная разработка задержанных. В докладной о результатах следственной работы милиции Украинской ССР за 1952 год приводятся примеры успешного использования этого метода.

Так, в Херсонской области 5 августа 1952 года в результате реализации имеющегося в ОБХСС агентурного дела «Магазинчики» было возбуждено уголовное дело, по которому арестованы спекулянты Малицкая П.Е., Крымзаева К.М. и заместитель заведующего отдела готового платья Херсонской торговой базы магазина «Главнивермаг» Кочин. Каких-либо значимых улик в отношении задержанных не было, имелись только агентурные сведения о том, что они занимаются спекуляцией и ведут праздный образ жизни. Оперативники надеялись, что подозреваемые сами дадут улики против себя, откровенничая в камере. Так оно и случилось. К ним «подселили» агентов «Алексеевко» и «Мария». Вскоре от агента «Мария» поступила информация, что Малицкая получала товары для спекуляции не только у Кочина, но и у фактурщицы Херсонской торговой базы «Главтекстильбыт» Мاستинской С.Я. Путем внутрикамерной разработки были установлены свидетели продажи Малицкой и Крымзаевой тканей, платков и других товаров.

Вызванные на допрос свидетели подтвердили факт приобретения товаров у подозреваемых.

После этого задержанные были вынуждены признать, что товары изымались из свободной продажи и продавались по спекулятивным ценам. Были арестованы и другие лица: управляющий Херсонской торговой базой «Главтекстильбыт» Тростянецкий, заведующий складом шелковых и шерстяных изделий Ноженко, заместитель управляющего базы Михеев, старший бухгалтер Плинер и др.

После ареста Тростянецкий и Плинер были взяты в активную внутрикамерную разработку через агентов «Орлов» и «Дробот». В камере Тростянецкий рассказал агенту «Дробот», что за 15 дней до ареста отправил родственникам золотые изделия, два персидских ковра и другие ценные вещи. Данная информация была использована для изъятия этих вещей как доказательств по делу.

Всего по делу были привлечены 13 чел., изъято денег – 32 802 р., облигаций госзайма – на сумму 24 530 р., описано имущества – на 50 471 р. [12, л. 26].

В справке о работе следственных органов милиции МВД Туркменской ССР за 1954 год указывается, что в данном году они давали 107 заданий оперативному аппарату тюрем на внутрикамерную разработку. И это помогло достичь нужного результата в расследовании даже убийств. Документ приводит следующий пример. 29 января 1954 года в г. Чарджоу был обнаружен труп гражданки Кац Веры Самуиловны, убитой путем удушения руками. В процессе расследования было установлено, что Кац занималась спекуляцией замками «молния», которые привозила из Ташкента, и была убита по дороге с вокзала домой. 30 января 1954 года от агента «Борщева» поступило донесение, что жительница г. Чарджоу Иванцова А. 29 января продавала на рынке по низкой цене замки «молния». Соответственно, возникло подозрение, что именно Иванцова совершила убийство спекулянтки «молниями». В тот же день Иванцова и ее сожитель Украинцев были задержаны, а при обыске были обнаружены разыскиваемые вещи с двух краж и большое количество «молний». Украинцев и Иванцова

признались в краже, но отрицали убийство, поэтому оперативники решили использовать внутрикамерную разработку, в ходе которой было установлено, что к краже «молний» причастны также граждане Суслов и Мацаулова. Их задержали, и они не только признались в краже, но и дали показания против Иванцовой и Укранцева о том, что они виновны в ряде убийств с целью ограбления [12, л. 163].

Сотрудникам уголовного розыска необходимо было осваивать новые методы работы с агентурой, в т. ч. расширять круг лиц, которые могли привлекаться для взаимодействия с органами. Обзор по розыску особо опасных уголовных преступников от 1951 года подчеркивал необходимость активизировать усилия работников милиции по поимке грабителей и убийц, а также по выявлению бандформирований. В документе особо подчеркивалась важность работы с агентурой, при этом констатировалось, что резервы этого способа работы используются недостаточно: в некоторых городах органы милиции завербовали очень мало агентов. Например, в Горьком присутствовали всего один агент и 10 осведомителей, в Минске – 5 агентов и 10 осведомителей. Почти аналогичное положение дел сложилось в Тульской, Новосибирской, Сахалинской областях и других регионах. В некоторых случаях сотрудники милиции использовали малорезультативные способы, которые только с виду напоминали активную деятельность, например направляли розыскные задания даже туда, где совсем нет шансов установить какие-то связи преступников, проводили официальные допросы родственников или знакомых преступников вместо возможной агентурной разработки. «До тех пор, пока розыск преступников не будет проводиться на агентурной основе, нельзя добиться высоких показателей в работе и тем более при розыске особо опасных преступников», – отмечалось в документе [13, л. 163].

Таким образом, предлагалось не просто активизировать работу с агентурой, но и пересмотреть принципы вербовки, при этом акцент делался на расширение потенциального круга людей для вовлечения их в оперативную работу:

«В розыске преступников может быть использован любой (подчеркнуто в деле. – А.П.) агент и осведомитель органов милиции и МВД, обладающий розыскными возможностями и в первую очередь агентура оперативных отделов, уголовного розыска и ОБХСС» [13, л. 9]. Под этим подразумевалось, что следует отказаться от традиции вербовать агентов для сотрудничества только в криминальной среде, как это было принято. Нужно пытаться привлекать к сотрудничеству людей, которые никакого отношения к криминалу не имеют, но волею судьбы оказались близки с подозреваемыми: живут в одной квартире или доме, являются наемной прислужкой или приятелями семьи подозреваемого. Данная задача становилась актуальной еще по одной причине. Исследователь С.М. Емелин отметил важную черту послевоенной преступности: значительная часть преступлений совершалась не опытными преступниками, а людьми, которые еще не участвовали в криминальной деятельности, при этом многие из них занимались общественно-полезным трудом, имели репутацию вполне пристойных граждан [14, с. 31]. Например, знаменитая банда Митина, действовавшая в Московской области в начале 1950-х годов, состояла именно из рабочих заводов. Только один из них имел ранее небольшой конфликт с законом. Именно по этой причине банду Митина долго не могли поймать: агентурная работа велась только среди уголовного мира, с которым члены банды Митина не контактировали [3, с. 239].

Несколько оперативных обзоров демонстрируют успешные примеры подобной работы с агентурой [13, л. 9]. Оперативным отделом Управления милиции Ворошиловградской области с сентября 1952 года разыскивался Дулькин, который расхилил 500 000 р. и скрылся. Оперативный отдел сосредоточил внимание на семье Дулькина, в первую очередь на сыне и жене, проживающих в с. Дербышки. Для этой цели была направлена работающая в домоуправлении осведомитель «Любимцева», которая оказалась не способной «разработать» Дулькиных, т. к. не пользовалась доверием у семьи, но она смогла изучить связи семьи

и установить, что семья разыскиваемого состоит в хороших отношениях с соседкой «К». «К» была завербована и привлечена к розыску. Работу затрудняли замкнутость и настороженность семьи. Однако «К» сообщила, что Дулькина отлучалась из квартиры на всю ночь, это дало основание предполагать, что женщина ходит на свидания к мужу. За Дулькиной было установлено наблюдение, и было зафиксировано, что она ездит на дачу в дер. Н. Моркваши. Оперативники посетили деревню, проследили, в какой дом приходила женщина, и установили за ним наблюдение. Вскоре они заметили мужчину, похожего по приметам на разыскиваемого [13, л. 14].

В документах приводятся и другие примеры. В частности, оперативным отделом УМВД Барановичской области разыскивался бандит Манаков, который в 1947 году с целью ограбления совершил несколько убийств. В процессе розыска были установлены родственные связи бандита – мать, братья. Агентурная разработка родственников длительное время не давала результатов. Мать Манакова держалась замкнуто, о своем сыне не говорила, хотя имела с ним переписку. Для активизации розыска бандита, выявления связей с целью подбора агентуры среди проживающих в дер. Доргобыль Городищенского района были посланы сотрудники уголовного розыска оперативного отдела УМВД. Прибыв в деревню, они представились работниками Госстраха и завели беседу с председателем колхоза и местным почтальоном. В этой беседе оперативники затронули животрепещущую тему для любого председателя колхоза – дисциплина труда среди колхозников. Председатель начал активно жаловаться на плохих работников, в т. ч. упомянул мать бандита Манакову. Присутствующий при этом почтальон добавил: «Зачем только Манаковой государство пенсию платит за погибшего мужа? У нее вся семья преступники, два сына в тюрьме, а третий скрывается». Сотрудники милиции ответили, что, возможно, мать получает помощь от сына и если это установить, то она может лишиться пенсии. Почтальон добавил, что мать бандита часто получает письма

и в подтверждение показал письмо в адрес Манаковой. После этого почтальоном завербовали под псевдонимом «С». Через некоторое время агент «С» представил письмо разыскиваемого, адресованное его матери. В дальнейшем местонахождение Манакова было установлено, он жил под фамилией Моноков [13, л. 16].

Еще один удачный пример вербовки граждан и работы с агентурой имел место в Одессе. Оперативным отделом Управления милиции Одесской области разыскивался Брофман, который являлся участником группы расхитителей социалистической собственности. При аресте группы Брофману удалось скрыться. В процессе разработки оперативный отдел получил донесение от осведомителя «Главацкая» о том, что с разыскиваемым и его семьей знакома жена арестованного Галанта, гражданка «Ш». Согласно разработанному плану, «Ш» была привлечена к секретному сотрудничеству по розыску Брофмана. Исходя из данных о том, что разыскиваемый проживает в Одессе, оперативному источнику «Ш» было дано задание сблизиться с его женой Любарской и установить местонахождение подозреваемого. «Ш» расположила к себе жену Брофмана, от которой узнала, что тот действительно находится в Одессе, она с ним встречается в вечернее время, но место встречи выведать не удалось. Зато источник «Ш» сообщила, что Любарская встречается с мужем и носит ему продукты питания, которые покупает их домашняя работница «Т», от которой ничего не скрывают. Используя эти данные, оперативник привлек «Т» для розыска и поручил ей сообщить, когда хозяйка будет встречаться с мужем. Через несколько дней «Т» сообщила, что Любарская предложила ей купить продукты питания для мужа. За женой Брофмана было установлено наружное наблюдение. Вечером была зафиксирована встреча Любарской с разыскиваемым. Брофман был арестован [13, л. 18].

В обзорах рекомендовалось использовать и другие способы выявления криминальных элементов с целью пресечения их деятельности, в т. ч. квартиры-ловушки. В одном из оперативных обзоров особо подчеркивалась эффективность

данного способа: «Оказавшиеся на новой местности преступники-гастролеры не ютятся где попало, как бродячий и нищенствующий элемент, а почти всегда подыскивают для себя надежное укрытие. Местами укрытий чаще всего они избирают квартиры местных уголовных преступников, женщин легкого поведения и других лиц, поддерживающих связи с преступным элементом. Ввиду этого, для пресечения преступной деятельности преступников-гастролеров из всех агентурно-оперативных мероприятий наиболее эффективным является использование “квартир-ловушек”» [13, л. 226].

Квартиры-ловушки рекомендовалось создавать в 1952 году специальным указанием № 176. Документ содержал как классификацию квартир-ловушек, так и целый ряд примеров их использования [13, л. 226].

Первым вариантом были названы квартиры-ловушки, которые создаются на базе существующих притонов путем вербовки их держателей. Например, уголовным розыском Управления милиции Кемеровской области были получены данные, что проживающий в собственном доме около Центрального рынка инвалид Ф. поддерживает связи с преступным миром, предоставляет ночлег преступникам и принимает краденое. С помощью наружного наблюдения Ф. был задержан. Гражданин сознался, что принимал краденое, это стало базой для вербовки его в качестве агента – создателя квартиры-ловушки. По его данным за короткий срок были ликвидированы 4 воровские группы, арестованы 13 преступников, раскрыты 20 краж. Аналогичный эпизод был в Харькове, где стало известно, что гражданка П. предоставляет свою квартиру для ночлега заезжим преступникам и скупает у них краденое. За квартирой было установлено наблюдение, в результате чего П. была задержана в момент скупки краденого и завербована. В результате за несколько месяцев были ликвидированы 7 групп воров, арестованы 24 вора, раскрыты 14 краж.

В качестве второго варианта разоблачения преступников документ назвал использование квартир-ловушек, создаваемых путем вселения

в притоны (ввод «втемную») в качестве квартирантов опытных агентов. Заселившись, агент входил в доверие к притоносодержателю и «разрабатывал» посещающих притон. Например, в Калининской области милиционерам стало известно, что в квартире Романовой, в прошлом судимой за кражу и освобожденной по амнистии, собираются уголовные элементы. Для их выявления в квартиру была поселена агент «Морячка», также освобожденная по амнистии. «Морячке» было дано задание чаще бывать на рынке, вокзалах, связываться с подозрительными людьми, вовлекать их под различными предлогами в квартиру Романовой и «разрабатывать». Так, «Морячка» познакомилась на рынке с Васильевым, который предложил ей купить вещи. «Морячка» от покупки отказалась и предложила продать их Романовой, тот согласился и по дороге на квартиру был задержан. Вещи оказались краденными. Всего с помощью «Морячки» за год было поймано 16 преступников.

В качестве третьего варианта квартир-ловушек были названы места жительства женщин легкого поведения. Например, в Самаркандской области была завербована, а затем использована в качестве содержательницы квартиры-ловушки «Соня», в прошлом судимая за кражи и отличающаяся легким поведением. При этом «Соня» обладала большими способностями быстро приобретать связи среди уголовных элементов и входить в доверие. В августе 1953 года она познакомилась на танцах с преступником по кличке Жорка-резанный и пригласила его к себе на квартиру. Проживая у нее, он обычно днем спал, а по ночам уходил. В одну из ночей он привел двух незнакомцев, которые потом регулярно приходили ночевать. Во время выпивки «Соне» удалось установить, что Жорка-резанный совершил в Ташкенте убийство, после чего приехал в Самарканд и организовал грабительскую шайку. Он и его друзья были взяты под наружное наблюдение и при попытке ограбления задержаны. По данным «Сони» за 8 месяцев было раскрыто 1 убийство, 5 разбоев и 10 краж.

В некоторых случаях квартиры-ловушки использовались в совместной работе с другой агентурой, т. е. держатели квартир работали в паре с другими агентами. Например, в г. Кагане Бухарской области агент «Вера» являлась держателем квартиры-ловушки. Другой агент «Яблокова» постоянно бывала на вокзале и рынках и рекомендовала квартиру «Веры».

В уже упоминаемом указании № 176 подчеркивалось, что квартиры-ловушки эффективно использовались далеко не везде, во многих местах они числились формально, не давая реальных раскрытий. Иногда держатели таких квартир подбирались очень неудачно. Порой вербовались пьяницы или не проводилась тщательная психологическая обработка и человек, дав согласие на сотрудничество (содержание квартир-ловушек), не просто не выдавал преступников, а сам продолжал криминальную деятельность [13, л. 226].

К сожалению, пока не удалось выяснить общее число людей, вовлеченных милицией в агентурную работу, – видимо, такие данные по сей день засекречены. Однако очевидно, что к концу 1950-х годов уровень преступности стал снижаться. И расширение методов агентурной работы в этом сыграло свою роль.

Итак, в послевоенные годы советская милиция и общество столкнулись с новым вызовом – высоким уровнем преступности. Объективные факторы обусловили не просто большую активность преступного элемента, но распространение тяжких насильственных преступлений. Это все потребовало от сотрудников милиции не только упорной работы и личного мужества,

но и овладения различными методами выявления лиц, причастных к совершению преступлений. Руководство советской милиции пыталось использовать различные способы для обучения сотрудников эффективным методам уголовного сыска. Определенную роль в этом процессе сыграла ведомственная печать. Именно через нее объяснялось значение умения работать с информацией, внимательного отношения ко всем сообщениям граждан. Однако этот метод просвещения не мог использоваться активно в силу необходимости соблюдать конспирацию. Хотя ведомственные газеты и издавались под грифом «только для сотрудников милиции», подобная информация не могла распространяться через печать. Поэтому инструктирование по различным методам агентурной работы осуществлялось путем подготовки специальных оперативных обзоров, в которых объяснялись возможные методы агентурной работы и приводились примеры их успешного применения. Особое значение этой работы обуславливалось новыми тенденциями в криминальной среде: в послевоенный период в преступную деятельность вовлекались лица, которые не просто не имели судимости, но и вообще никак ранее не контактировали с криминальным миром. Это потребовало обучения работе с агентурой по-новому: расширился круг лиц, из которого подбирались кандидатуры для вербовки, стали создаваться квартиры-ловушки для выявления преступного элемента. В конечном итоге все вышеперечисленное определило успех в этой нелегкой работе – способствовало улучшению криминогенной обстановки.

Список литературы

1. Богданов С.В., Орлов В.Н. Тоталитарная государственность и экономическая преступность в Советской России: тайная история разработки Постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г. // *Соврем. право*. 2009. № 5. С. 139–143.
2. Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 709.
3. Попова А.Д. Легенды о банде «Черная кошка» как отражение феномена криминальных мифов в российском общественном сознании // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9, № 1. С. 233–251. DOI: [10.21638/11701/spbu24.2019.114](https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.114)
4. Упоров И.В. Послевоенная преступность в СССР: общая характеристика и статистика // *Инновационное развитие*. 2017. № 3(7). С. 17–20.

5. Ходяков М.В. Агентурная работа НКВД-МВД в лагерях иностранных военнопленных Великой Отечественной войны // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2: История. 2016. Вып. 2. С. 139–149. DOI: [10.21638/11701/spbu02.2016.211](https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2016.211)
6. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 398.
7. Чумиков Д. «В нашем деле и “мелочи” важны» // Служим народу: орган руководства и парткома Управления внутренних дел Костромского облисполкома. 1959. 17 янв.
8. Курило С.Г. Жизни своей не щадя: из истории милиции Харьковщины. Харьков: Прапор, 1987. 295 с.
9. Курлянд Д.М. Воспоминание ветерана уголовного розыска города-героя Одесса // Народный музей истории органов внутренних дел Одесской области. Д. 5342.
10. Иванов В.А. Анонимщики и власть в советской России в 1930-е – 60-е гг. // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 27–44.
11. Сизов В.Д. Отчизны верные сыны. К 70-летию УМВД России по Костромской области. Кострома, 2014. 145 с.
12. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1096.
13. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 253.
14. Емелин С.М. Борьба с общеуголовной и экономической преступностью в СССР во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.: основные направления и правовые механизмы противодействия // Юрид. наука: история и современность. 2013. № 11. С. 30–40.

References

1. Bogdanov S.V., Orlov V.N. Totalitarnaya gosudarstvennost' i ekonomicheskaya prestupnost' v Sovetskoj Rossii: tajnaya istoriya razrabotki Postanovleniya TsIK SSSR i SNK SSSR ot 7 avgusta 1932 g. [Totalitarian State and Economic Criminality in the Soviet Russia: Confidential Production History of CEC (Central Executive Committee) and CPC (Council of People's Commissars of the USSR) Resolution Dating from August, 7th, 1932]. *Sovremennoe pravo*, 2009, no. 5, pp. 139–143.
2. *State Archives of the Russian Federation (SARF)*. Coll. R-9478. Inv. 1. Fol. 709 (in Russ.).
3. Popova A.D. Legendy o bande “Chernaya koshka” kak otrazhenie fenomena kriminal'nykh mifov v rossijskom obshchestvennom soznanii [Legends of the “Black Cat” Gang as a Reflection on the Phenomenon of Criminal Myths in Russian Public Consciousness]. *Noveyshaya istoriya Rossii*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 233–251. DOI: [10.21638/11701/spbu24.2019.114](https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.114)
4. Uporov I.V. Poslevoennaya prestupnost' v SSSR: obshchaya kharakteristika i statistika [The Post-War Crime in the Soviet Union: General Characteristics and Statistics]. *Innovatsionnoe razvitie*, 2017, no. 3, pp. 17–20.
5. Khodyakov M.V. Agenturnaya rabota NKVD-MVD v lageryakh inostrannykh voennoplennykh Velikoy Otechestvennoy vojny [Intelligence Work of the NKVD-MVD in the Camps for Foreign Prisoners of the Great Patriotic War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2: Istoriya*, 2016, no. 2, pp. 139–149. DOI: [10.21638/11701/spbu02.2016.211](https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2016.211)
6. *SARF*. Coll. R-9415. Inv. 3. Fol. 398 (in Russ.).
7. Chumikov D. “V nashem dele i “melochi” vazhny” [“Even Small Things Can Play a Big Role”]. *Sluzhim narodu: organ rukovodstva i partkoma Upravleniya vnutrennikh del Kostromskogo oblispolkoma*, 17 January 1959.
8. Kurilo S.G. *Zhizni svoey ne shchadya: iz istorii militsii Khar'kovshchiny* [Not Sparing Oneself: From the History of the Kharkov Region Police]. Kharkov, 1987. 295 p.
9. Kurlyand D.M. Reminiscences of a Veteran of the Criminal Investigation Department in Odessa, a Hero City. *The People's Museum of the History of the Internal Affairs Bodies of the Odessa Region*. Fol. 5342 (in Russ.).
10. Ivanov V.A. Anonimshchiki i vlast' v sovetskoj Rossii v 1930-e – 60-e gg. [Poison-Pen Writers and the State Power in the Soviet Russia in 1930–1960s]. *Noveyshaya istoriya Rossii*, 2011, no. 1, pp. 27–44.
11. Sizov V.D. *Otchizny vernye syny. K 70-letiyu UMVD Rossii po Kostromskoy oblasti* [Faithful Sons of the Fatherland. To the 70th Anniversary of the Kostroma Regional Office of the Russian Ministry of Internal Affairs]. Kostroma, 2014. 145 p.
12. *SARF*. Coll. R-9415. Inv. 3. Fol. 1096 (in Russ.).

13. SARF. Coll. R-9415. Inv. 3. Fol. 253 (in Russ.).

14. Emelin S.M. Bor’ba s obshcheugolovnoy i ekonomicheskoy prestupnost’yu v SSSR vo vtoroy polovine 1940-kh – nachale 1950-kh gg.: osnovnye napravleniya i pravovye mekhanizmy protivodeystviya [Combating Ordinary and Economic Crime in the USSR in the Second Half of the 1940s and Early 1950s: Key Areas and Legal Mechanisms of Counteraction]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost’*, 2013, no. 11, pp. 30–40.

DOI: 10.37482/2687-1505-V153

Anna D. Popova

Ryazan State University named for S. Yesenin;
ul. Svobody 46, Ryazan, 390000, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9524-3886> e-mail: a.d.popova@mail.ru

**“EVEN SMALL THINGS CAN PLAY A BIG ROLE”
(on Soviet Criminal Investigation in the 1940s–1950s)**

This article studies the development of criminal investigation techniques employed by the Soviet police (*militia*) during the post-war years (from 1945 to the late 1950s). The author demonstrates that the high crime rate in general and the large number of robberies and gang crimes in particular threatened people’s daily life. Thus, it was essential that the Soviet police should implement diverse measures, primarily, improve their criminal investigation techniques. Further, the author underlines that during the post-war years many people who had previously never been associated with crime found themselves involved in criminal activities. The situation was aggravated by the fact that a great number of police officers had only been recently employed and therefore had no criminal investigation experience. It considerably impeded the process of crime detection and prosecution, indicating the necessity to develop new and effective methods of criminal investigation. The paper analysed a wide range of sources, such as departmental publications, operational reviews on grave crimes written by chief police officers, as well as memoirs of law enforcement officers. As a result, the author comes to the conclusion that the Soviet police employed a vast variety of criminal investigation techniques and procedures, such as investigating citizens’ reports containing criminal conduct allegations (including anonymous), working undercover, etc. The study shows that Soviet police officers managed to improve their methods of criminal investigation, increase the number of potential informers and create sites for trapping criminals. The successful efforts of the Soviet police to improve the criminal investigation techniques and procedures contributed to reducing the crime rate in the country in the late 1950s.

Keywords: *history of Soviet police, criminal investigation, crime in post-war USSR, agents, society, anonymous letters, citizens’ reports.*

Поступила 25.05.2021

Принята 28.09.2021

Received 25 May 2021

Accepted 28 September 2021

For citation: Popova A.D. “Even Small Things Can Play a Big Role” (on Soviet Criminal Investigation in the 1940s–1950s). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 36–47. DOI: 10.37482/2687-1505-V153